

ВАСИЛИЙ АВЕНАРИУС

СКАЗКА О
МУРАВЬЕ-БОГАТЫРЕ

Василий Авенариус
Сказка о муравье-богатыре

«Public Domain»

1885

Авенариус В. П.

Сказка о муравье-богатыре / В. П. Авенариус — «Public Domain»,
1885

«Было время жатвы – как у людей, так и у муравьев-земледельцев. Вся нива у подножия муравейника кишела муравьями-жнецами. Одни из них сидели на верхушках колосьев и своими острыми челюстями, как серпом, срезали стебельки спелых зерен дикого риса. Другие ждали у корней колосьев, подхватывали срезанные зерна и, тут же очистив их от пленки, уносили в склад...»

Содержание

I. Жатва	5
II. Потоп	7
III. Муравей-богатырь и Соловей-разбойник	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Василий Авенариус

Сказка о муравье-богатыре

І. Жатва

Было время жатвы – как у людей, так и у муравьев-земледельцев. Вся нива у подножия муравейника кишела муравьями-жнецами. Одни из них сидели на верхушках колосьев и своими острыми челюстями, как серпом, срезали стебельки спелых зерен дикого риса. Другие ждали у корней колосьев, подхватывали срезанные зерна и, тут же очистив их от пленки, уносили в склад.

Между полосами хлеба были проведены правильные дорожки, которые лучами сходились к главным воротам муравейника. По краям дорожек, на определенных дистанциях, были временные склады зерен. Срезанные зерна доставлялись жнецами от колоса только к первому складу. Отсюда другие муравьи, носильщики, перетаскивали их далее, к следующему складу. Так, от склада к складу, зерна поступали, наконец, на руки муравьев-магазинщиков у входа в муравейник, а те относили их уже внутрь муравейника, в зимние амбары и кладовые.

Вся эта работа производилась мелкими пепельно-черными муравьями. Но они не были хозяевами муравейника. Хозяевами были крупные бронзово-рыжие муравьи, которые всей компанией лениво нежились на солнышке, на пологом скате муравейника. Отсюда, с вышины, им удобно было обзирать всю площадь нивы и наблюдать за чернорабочими.

Между отдыхающими рыжими хозяевами отличалась необычайно величиною и дородностью одна особа. Она, как видно, пользовалась особенным почетом, потому что возлежала на душистом коврикe – розовом лепестке. То была родительница всех окружающих рыжих, мать-муравьяха.

И покой ей, точно, был нужен. Все утро пошло у нее на кладку яиц. Не десяток, не сотню и даже не тысячу яиц положила она: десять тысяч штук ровнехонько! Близкая к обмороку, выбралась она на вольный воздух отдышаться. Благо есть целый полк опытных дядек из той же трудолюбивой породы мелких чернорабочих: из яичек они выведут личинки; свернется личинка в кокон, ждут-пождут, сколько нужно, а там выпустят из кокона уже готового, как есть, муравья. О, они знают свое дело!

Пригретая солнышком, мать-муравьяха вздремнула было немножко. Очнувшись, она потянулась своими шестью пухлыми ножками и, щурясь от света, окинула все поле сонным взглядом.

– Это кто же там, детушки? – со сладким зевком спросила она, кивая усом вдаль. – Ведь это из нашей же братии, рыжих?

Она не ошиблась. Вдали, куда указывала она, среди мелких чернокожих жнецов резко выделялся своим крупным ростом и золотисто-бронзовой шкуркой благородный рыжий муравей. Взобравшись на верхушку колоса, он с видимым удовольствием обгрызал цветоножки зерен. Но, благодаря своему росту, своей силе, он работал втрое быстрее чернорабочих. Задними ножками он держался за стебель, передними притягивал к себе то или другое спелое зерно; притянув, начинал крутить его на цветоножке, потом разом обгрызал цветоножку, сам сдирав с зерна пленку и очищенное уже зерно бросал вниз. Приставленные к колосу чернорабочие муравьи едва поспевали поочередно относить сброшенные зерна к ближайшему складу.

– Да, это Грызун, – отвечал на вопрос муравьяхи. один из отдыхавших тут же рыжих муравьев. – Зубы, знать, чешутся.

– Недаром же и назван Грызуном, – заметила муравьяха, – чуть вышел из кокона, как дядьке своему уж руку отгрыз. Зачем? Спросите-ка. Да вот так, за здорово живешь. Крикните-ка его сюда.

– Грызун! Грызун! – крикнули хором свитские.

Грызун, сидя на колосе, оглянулся: его требовала родная мать. Как послушный сын, он беспрекословно спустился наземь и отправился восвояси.

– Ты что же это там делал, баловник? – встретила его вопросом муравьяха.

– Работал, маменька, – просто отвечал Грызун, отирая потный лоб.

– Работал! Да ты знаешь ли, что значит работать? Это значит не так вот, как ты сейчас, в зерна-мячики играть: это значит круглый год наблюдать, чтобы семя, заготовленное на посев, не подмокло, перевертывать его, облизывать, в сухую погоду выносить на воздух. Это значит в поте лица обрабатывать поле: прошлогоднее жнитво вы грызть, землю взрыхлить и вновь засеять, а покажутся всходы – выпалывать сорные травы, поддерживать дорожки...

– Все это я готов делать, если нужно...

– То-то вот! Хорошо, что прибавил: «Если нужно». На что же у нас чернорабочие? Ты у меня, не забудь, голубчик, благородный рыжий муравей, коренной земледелец.

– Да по тому-то самому, маменька, что я коренной земледелец, мне и следовало бы, кажется, служить примером пришлым чернорабочим.

Между рыжими свитскими кругом послышался сдержанный смех. Сама мать-муравьяха, несмотря на свою полноту, приподнялась на локоть.

– Хорош мальчик! – сказала она. Свободный муравей-плантатор хочет служить примером, и кому же? Невольникам-неграм!

– Но ведь и у людей негры уже свободны... – позволил себе возразить Грызун.

– Нашел с кем сравнивать! Когда род людской рыскал еще по дремучим лесам, питался дикими плодами и кореньями, мы, рыжие муравьи, имели уже свои благоустроенные муравейники, возделывали поля; а бурые муравьи-скотоводы завели уже свой молочный скот. Но кроме этих двух высших пород – рыжих и бурых – солнцу угодно было произвести на свет и муравьиную чернь. И в какой же цвет оно окрасило их? В черный – в цвет рабства. Как же нам было не принять этого дара небес?

– Да как-то совестно, право... – проговорил Грызун. – Они – мелкие, слабые, работают и на себя, и на нас; а мы – крупные, сильные, сидим себе сложа руки. На что же нам дана наша сила?

– Как на что? и как же мы добыли себе этих рабов? Силой. Не будь я так занята в детской, клянусь солнцем, я шла бы впереди вас. Вы, рыжие дети мои, прежде всего, – воины. Не забывайте этого. Воинские подвиги, воинская слана – вот ваше прямое призвание. И сам ты, сынок, не раз уже выказал свою молодецкую удаль. А после подвигов не грех и отдохнуть на лаврах.

II. Потоп

Между тем набежала грозовая туча и закрыла солнце. Блеснула молния и загремел гром. Буйный вихрь, гоня перед собой столб пыли, налетел на муравейник. Несколько рыжих муравьев подбросило в воздух. Мать-муравья ухватилась было за свой коврик, но вихрем ее стряхнуло с розового лепестка, и самый лепесток унесло невесть куда.

– Домой, домой, детки! – заторопила муравья и, поддерживаемая Грызуном, начала спускаться под гору. Вовремя достигли они городских ворот. Грызун остановился под воротами.

Боже праведный! Это уж не гроза, а буря. Ветром неистово трясло и гнуло вокруг деревья, срывало не одни листья, но и целые ветви, и крутило их в воздухе, как в бешеной пляске.

А бедные малютки-жнецы! Застигнутые врасплох, они также искали теперь спасения. Схватив каждый по зерну, они вперегонку бежали к муравейнику, под родную кровлю. Но ветром их то и дело валило с ног, вырывало у них из рук тяжеловесные зерна.

Вдруг с оглушительным грохотом и треском сверкнула ослепительная молния. Вслед затем полил дождь как из ведра.

Потоп! В две минуты вся нива перед муравейником обратилась в бурное море. Подхваченные волнами жнецы храбро боролись с ними. Но ветром кидало их между колосьями из стороны в сторону, а сверху хлестало беспощадным ливнем. Они захлебывались и, как за последний якорь спасения, цеплялись за колосья. Но и колосья прибивало к земле, заливало водой.

Новым порывом ветра обломило с ближнего дерева большой сук. Покружившись над муравейником, он упал прямо в бушевавшее над нивою море. То, что в другое время было бы для муравьев бедой, теперь оказалось для них счастьем. Барахтавшиеся среди потопленных колосьев чернокожие жнецы живо, один за другим, вскарабкались на спасительный сук. По нему они без особых усилий добрались до боковой ветки, ближайшей к муравейнику. Но отсюда до твердой почвы на муравейнике было еще с добрых двадцать муравьиных шагов. Как быть? Растерянно бегали жнецы взад и вперед по ветке.

Но помощь была уже близка. Грызун смело вышел из-под ворот под самый ливень и ступил в воду. Благодаря его высокому росту, вода доходила ему не выше пояса. Крошки-жнецы, заметив избавителя, столпились на самом кончике ветки. Только добрался он до них, как уже несколько жнецов наперегонки вскочило к нему на голову, на шею, на спину. Как атлет-акробат, перенес он их всех на сушу. Затем отправился за новой партией. Так переправил он постепенно всех жнецов, успевших своевременно спастись на суку.

Тут грянул страшный гром, и молния ударила в самый муравейник. В том месте, где прошла она в землю, свод муравейника треснул и провалился. Сквозь провал открылся теперь ливню свободный доступ.

Когда подбежал туда Грызун, чернокожие муравьи из жнецов и носильщиков обратились уже в землекопов и инженеров. В числе их были и те, которых он спас сейчас из воды. Молнией кого из них обожгло, кого контузило. Но, не думая уже о себе, всякий хлопотал только о спасении муравейника. Одни тащили глину да известь, сосновые иглы да камешки для укрепления свода, другие – тоненькие былинки да прутья – эти муравьиные бревна для предупреждения дальнейшего обвала. И все-то это были опять-таки одни слабосильные чернорабочие, пришлый народ! Муравьи-хозяева, рыжие силачи, беззаботно укрывались где-то в отдаленных кварталах...

– Нельзя ли мне вам пособить, братцы? – спросил Грызун, подходя к группе чернокожих. Они копошились около длинного прутика-бревна, тщетно силясь его приподнять.

Маленькие труженики с удивлением расступились: благородный рыжий муравей хочет помочь им в их черной работе!

Для Грызуна бревно было как бы перышком. Он разом поднял его стоймя.

– Потолок подпереть тут? – спросил он.

– Точно так, ваше благородие.

– Ты что там опять делаешь, сынок? – раздался укорительный голос.

По ту сторону обвала стояла, подбоченясь, мать-муравьяха. За нею теснилась вся рыжая свита. Грызун смешался.

– Помогаю... – пробормотал он.

– Не твое дело, дружок.

– Да ведь, маменька, нас всех зальет...

– Не зальет. Дождя уж нет.

И точно, гроза натешилась, набушевалась вдоволь. Столь роковой для муравейника громовой удар был ее последним вздохом. Теперь дух у нее заняло, и она разом присмирела. Сквозь отверстие провала синел уже вверху клочок ясного неба.

– Пропустите-ка, ребята, – сказала мать-муравьяха и, переваливаясь с боку на бок, перелезла по земляным грудам через место обвала. – Помоги-ка мне, милый, выйти на воздух. Здесь все еще душно что-то...

Грызун взял ее опять под руку и вывел за ворота на вольный воздух.

III. Муравей-богатырь и Соловей-разбойник

– Тут вот и присядем на завалинке... – говорила, вся запыхавшись, мать-муравьяха. После грозы-то дух какой чудный.

Грызун молча расположился около.

– Что ты, сыночек, будто не весел? – спросила муравьяха.

– Мало веселья! – со вздохом отвечал он. – Сколько народу-то даром погибло! Вон, по вбей ниве их раскидало...

Дождевая вода, затопившая давеча ниву, понемногу всочилась в рыхлую почву. Кое-где лишь стояли еще небольшие лужи. Но среди поваленных полос хлеба чернелись бездыханные тела потонувших жнецов. Далеко не всех, стало быть, удалось спасти ему, Грызуну!

– Эка беда! – заметила муравьяха. – Невольники! Их всегда добыть можно.

– Да ведь они для нас же, маменька, трудились! – воскликнул Грызун.

– А тебе, небось, и жалко стало? Ты – воин, сын мой: ты должен закалить свое сердце! Завтра же, может статься, придется тебе разорять опять муравейник их братьев, чернокожих. А можно ли сражаться, если будешь слушаться своего глупого сердца?

– Коли придется сражаться, так за себя, конечно, постою, – отвечал Грызун. – Да славы-то мало воевать с этой мелюзгой. Вот попадись мне равный или даже более сильный противник, какое-нибудь крылатое чудище, что ли...

Из лесной чащи донеслась звонкая соловьиная трель.

– Помяни нечистого, и он уж тут как тут, – прошептала муравьяха, дрожа всем своим тучным телом. – Вишь, как заливаается! Колокольчик, да и только. А на деле-то – самый лютый враг всего живущего, тот самый Соловей-разбойник, о котором столько песен сложено. Только не народился, знать, еще тот муравей-богатырь, который осилил бы злодея.

Грызун молча поднял с земли грузную былинку-дубинку и завертел ею над головой.

Мать-муравьяха со снисходительной усмешкой наблюдала за этим гимнастическим упражнением.

– Уж не ты ли, Грызунчик, тот самый муравей-богатырь?

– А что вы думаете? – задорно отвечал он и молодецки замахал дубинкой.

– Нашей-то братии, муравьям, пожалуй, и не устоять перед тобой, – продолжала муравьяха, – но этому чудищу поганому, Соловью-то разбойнику, удар твой разве за щелчок покажется.

Она была права. Грызун с досады швырнул дубинку далеко от себя. Летя с вышины, дубинка подпрыгнула раза три-четыре по скату и сбила при этом с ног партию чернорабочих, тащивших из муравейника подмоченные хлебные зерна, муравьиные яйца и коконы.

– Ловко! – сказала муравьяха.

Грызун, застыдясь, отвернулся.

Весь скат муравейника, обращенный к солнцу, покрылся уже, между тем, зернами, яйцами и коконами, вынесенными сюда для просушки. Соловей точно выжидал только этого. Весело щелкнув, он спустился вдруг на муравейник и принялся клевать яйца и коконы. Чернорабочие муравьи вздумали было защищать своим телом хозяйское добро, но крылатый разбойник одним ударом клюва укладывал их на место: потом с прежним аппетитом продолжал начатый обед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.